

Політичне банкрутство й організаційний розпад непролетарських партій та їх молодіжних організацій стали політичним відображенням повороту дрібнобуржуазних трудящих мас міста й села в бік Радянської влади й підтримки ідей соціалізму.

Джерела та література

1. Российский государственный архив социально-политической истории (г. Москва) (далі – РГАСПИ). – Ф. 17. – Спр. 375.
2. Егонина В. Н. Из истории борьбы РКП(б) и РКСМ за молодежь против влияния националистических партий и их юношеских организаций // Вопросы коммунистического воспитания молодежи. – М., 1978. – Вып. 2; Ветрова А. С. Борьба партии против бандеровского национализма и сепаратизма в молодежном движении (1918–1920 гг.) // Проблемы истории КПСС. – М., 1977; Лейкин А. Я. Исторический опыт борьбы КПСС с буржуазными и мелкобуржуазными партиями и союзами за молодежь (1917 – 1925 гг.): Дисс... докт. ист. наук. – Л., 1981.
3. РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 60. – Спр. 374.
4. РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 65. – Спр. 413.
5. ЕКСМ. Протоколы и решения I Всероссийской конференции (1–4 сентября 1920г.) и Фербандстрата (24 – 28 января 1921 г.). – М., 1921.
6. Державний архів Дніпропетровської області. – Ф. 5. – Оп. 1. – Спр. 33.
7. Державний архів Запорізької області. – Ф. 16. – Оп. 1. – Спр. 60.
8. РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 60. – Спр. 974.
9. ЛКСМ України в рішеннях съездов и конференций (1919 – 1966гг.). – К., 1969.
10. Юный коммунист. – 1923. – №6.
11. Коммунистическая партия України в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т.1. (1918 – 1941). – К., 1976.
12. Всесоюзная перепись населения 1926. – Т. XXXIV. – М., 1930.
13. Третий Всероссийский съезд РКСМ: Стен. отчет. – М., 1926.
14. Центральный державний архів громадських об'єднань України (м. Київ). – Ф. 1. – Оп. 20. – Спр. 338.
15. Лейкин А. Я., Динес В. А. За интернациональное единство молодежи. Из истории борьбы КПСС с буржуазными и молодежными националистическими партиями за молодежь 1917 – 1925 гг. – Саратов, 1988.
16. Жизнь национальностей. – 1920. – 17 ноября.
17. Жизнь национальностей. – 1921. – 13 августа.
18. Отчет ЦК РКСМ 4-му Всерос. Съезду. – М., 1921.
19. Державний архів Запорізької області. – Ф. 1. – Оп. 1. – Спр. 95.
20. Мушперт Я., Файнберг Е. Комсомол и молодежь национальных меншин. – М., Л., 1926.
21. Голубицкий Ш. Евкомол // Юношеское движение. – 1924. – № 2.
22. Комсомольская неделя. – 1923. – № 1.

Summary

A new economic policy led to the revival of capitalist groups and to the strengthening of the petty bourgeoisie. This fact intensified the struggle between political parties for the young people. The Jewish national parties of Ukraine tried to bring under their control the movement of the youth by creating and renewing the youth unions and criticizing the environmental policy. The poor welfare standards of the youth and difficulties of the Komsomol development were also used. KP(b)U and KSMY led a severe struggle for working young people and tried to bring peasants and students to the side of the Soviet Union powers. As a result of this struggle the national parties and their youth unions had disappeared from the political scene of Ukraine by the middle of 1920-s.

А. В. Шубин

МАХНО И БОЛЬШЕВИКИ: ОБСТОЯТЕЛЬСТВА РАСКОЛА

История Махновского движения продолжает привлекать внимание не только историков, но и литераторов, кинематографистов, не говоря уже о широком круге читателей и телезрителей. Увы, после 90-х гг., когда было сделано много для выяснения реальной картины событий того времени, началась новая эпоха мифологизации и самого движения, и фигуры его лидера. Вот, например, авторы нашумевшего телесериала о Махно, похоже, вообще мало интересовались последовательностью событий. У них Махно коварно убивает атамана Григорьева в Гуляй-поле, чтобы заслужить у Троцкого звание командарма (в этой версии верно лишь, что махновцы убили Григорьева, но случилось это совершенно в другом месте, в другое время, по другим причинам и при других обстоятельствах). Авторы литературных псевдobiографий Махно «реконструируют» события, руководствуясь собственным жизненным опытом, далеким от бурной эпохи Гражданской войны. И даже от солидных

историков приходится иногда слышать, что Махно стал анархистом только в конце дней своих в Париже, а до этого симпатизировал идее украинской государственности. Разумеется, доказательств этих фантастических версий не приводится. И нам, объективным историкам, остается отвечать на разгул исторического мракобесия продолжением своей работы – реконструировать события, опираясь на источники, в обилии оставленные Махновским движением. Один из его интереснейших эпизодов, возможно ключевой для понимания характера «махновщины» – раскол с большевиками в мае-июне 1919 года. В этой статье мы вернемся к его реконструкции.

Нарастание противоречий

Отношения между махновцами и сторонниками центральной советской власти никогда не были безоблачными, но в феврале-марте 1919 г. укладывались в привычную схему постепенной интеграции в Красную армию многочисленных украинских повстанческих движений. Быстрый рост рядов «бригады» Махно, военные успехи махновцев – все это до времени способствовало терпимому отношению центра к политическим «шалостям»: к созывам съездов солдат и крестьян, на которых принимались резолюции в духе идей анархизма и позиции левых эсеров, к избранию политического органа – Военно-революционного совета, куда вошли анархисты и левые эсеры, к тому, что махновцы не допускали в своем районе проведения мер «военного коммунизма» и действий ЧК. В апреле 1919 г., по мере подъема антибольшевистского повстанчества на Украине махновская территория стала вызывать все большее беспокойство красного командования. Тем более, что махновцы были измотаны в предыдущих боях. Вот что телеграфировал командующий 2-й Украинской армией Скачко: «Противопоставить противнику нечего, ибо 3-я бригада Махно, находясь беспрерывно более трех месяцев в боях, получая только жалкие крохи обмундирования и имея в придачу таких ненадежных соседей, как 9-я дивизия, совершенно истощилась, и можно считать 3-ю бригаду временно совершенно вышедшей из строя» [1, ф.199, оп.3, д.144, л.12-19]. Казалось, что Махно можно теперь выкинуть, как выжатый лимон.

Белые 13 апреля перешли в наступление на Мариуполь. Основные силы махновцев были в этот момент заняты в боях под Еленовкой, на северном участке фронта. Мощным ударом на Волноваху противник отсек основные силы махновцев от Мариуполя и 14 апреля вышел к Мангушу, в глубоком тылу Мариупольского направления и 17 апреля занял его.

В эти апрельские дни казалось, что махновская бригада разбита. Кончались последние патроны к полученным еще в феврале итальянским винтовкам. Оказалось, что патроны эти нестандартные. Боеприпасы к ним можно было получить только из центра – другие не подходили. Реввоенсовет 2-й Украинской армии признавал: «Еще при образовании бригады Махно командармом 2-й были даны ей итальянские винтовки с тем расчетом, чтобы в случае надобности имелась возможность оставить их без патронов» [2, с.306]. В условиях неразберихи снабжения махновцам продолжали отправлять патроны, которые подходили лишь к небольшой части их винтовок. Так, в апреле им отгрузили 2,4 млн. патронов, но только 445848 – для итальянских винтовок [3, с.126-129].

Бойцы были измотаны, но бригада, подобно Антею, питалась от своей земли. Местные жители сменяли старых бойцов и со свежими силами бросались в бой. Наверное, в этом объяснение военного чуда, которое произошло под Мариуполем в конце апреля. Еще 19 апреля Махно телеграфировал: «Немедленно высыпайте смену 3-й бригаде, ибо люди покинут фронт. С итальянками без патронов и без пулеметов против десятков пулеметов противника люди не в состоянии устоять» [1, ф.199, оп.3, д.114, л.75.]. Но уже 20 апреля махновцы перешли в контрнаступление и взяли Мангуш. 22 апреля белые контратаковали Мангуш, но на следующий день он снова оказался в руках махновцев. Тогда же они отбили Волноваху. После этого белой группировке в районе Мариуполя уже не удалось удержаться. 27 апреля Мариуполь был взят махновцами, фронт стабилизировался [1, ф.199, оп.3, д.324, л.32-51].

Давая общую оценку боеспособности махновских частей, Антонов-Овсеенко писал: «прежде всего факты свидетельствуют, что утверждения о слабости самого заразного места - района Гуляй-поля, Бердянск - неверны. Наоборот, именно этот угол оказался наиболее жизненным из всего Южного фронта (сводки за апрель-май). И это не потому, конечно, что здесь мы были лучше в военном отношении сорганизованы и обучены, а потому, что войска здесь защищали непосредственно свои очаги» [2, с.331].

Но проблема боеприпасов решена не была. Притом, что и красноармейские части снабжались плохо, до строптивых махновцев, естественно, вообще мало что доходило, особенно в связи с переподчинением бригады Южному фронту в конце марта. Оно было предпринято из географических соображений (дивизия Дыбенко ушла в Крым и потеряла связь с махновцами). Это повлекло за собой путаницу, когда бригада размером с дивизию подчинялась другой дивизии, входившей в другой фронт. В итоге махновцев «курировали» два командующих фронта, командующий армией и не входящий в эту армию комдив. И никто не отвечал за снабжение фронтовиков. В середине мая штаб Махно сообщал: «Отсутствие налаженной и срочной доставки патронов заставило оставить многие позиции и приостановить наступление. Кроме того, части совершенно не имеют патронов, и, продвинувшись вперед, находятся в угрожающем положении на случай серьезных контрнаступлений противника. Мы свой долг исполнили, но высшие органы задерживают питание армии патронами» [2, с.302]. Если Дыбенко до конфликта в 20-х числах апреля еще сносно снабжал Махно патронами (правда, не теми, что нужно), то командование Южного фронта было «скучным». Оно готовило ликвидацию «махновщины».

Эта идея стала активно обсуждаться, когда ситуация под Мариуполем стала тяжелой. 15 апреля 1919 г. член РВС Южного фронта телеграфировал Л. Троцкому о необходимости устраниć Махно от командования [3, с.121.]. Поскольку в это время махновцы терпели на фронте неудачи (как оказалось – временные), Сокольников телеграфировал и Ленину с предложением: «не считите ли подходящим моментом убрать Махно, престиж которого, престиж которого пошатнулся...». Ленин поддержал эту идею [3, с.122]. Одна беда – махновцы, вопреки ожиданиям, отбросили белых. Но раз уж высочайшее одобрение получено, надо действовать.

25 апреля 1919 г. в Харьковских "Известиях" появилась статья "Долой махновщину", в которой говорилось:

"Повстанческое движение крестьянства случайно попало под руководство Махно и его "Военно-революционного штаба", в котором нашли себе пристанище и бесшабашно анархистские, и бело-левоэсеровские, и другие остатки "бывших" революционных партий, которые разложились. Попав под руководство таких элементов, движение значительно утратило силу, успехи, связанные с его подъемом, не могли быть закреплены анархичностью действий ... Безобразиям, которые происходят в "царстве" Махно, нужно положить конец" [4, 25.4.1919].

Эта статья вышла, когда махновцы собирались на свой III районный съезд в Гуляй-Поле. Его резолюции были направлены против военно-коммунистической политики РКП(б):

"Съезд протестует против реакционных приемов большевистской власти, расстреливающей крестьян, рабочих и повстанцев.

Съезд требует проведения правильного свободного выборного начала ...

Съезд требует замены существующей продовольственной политики правильной системой товарообмена ...

Съезд требует полной свободы слова, печати, собраний всем политическим левым течениям, т.е. партиям и гражданам, и неприкосновенности личности работников партий, левых революционных организаций и вообще трудового народа..." [5, с.23-24.].

Начдив Дыбенко, в формальном подчинении которого находилась махновская «бригада» ответил телеграммой: "Всякие съезды, созданные от имени распущенного согласно моему приказу военно-революционного штаба, считаются явно контрреволюционными, и организаторы таковых будут подвергнуты самыми репрессивными мерами вплоть до объявления вне закона" [6, с.98].

Съезд специально продолжил свою работу, чтобы ответить комдиву. Ответ делегатов по стилю напоминал письмо казаков турецкому султану. После насмешливых разъяснений относительно истории движения и его съездов делегаты пишут: "Вы, "товарищ" Дыбенко, как видно, молоды в революционном движении на Украине. Ну что же, познакомим вас с ним, а вы, познакомившись, быть может, исправитесь немного" [6, с.99.]. Намекая на слабость позиции РКП(б) в Приазовье, махновцы продолжают: "если большевистская идея будет иметь успех, то военно-революционный совет, с точки зрения большевиков, организация явно контрреволюционная, заменится другой, "более революционной" большевистской организацией. А покамест не мешайте нам, не насилийте нас" [6, с.102].

Одновременно в район, контролировавшийся махновцами, попала направленная против них статья "Известий". Махно решил, что телеграмма Дыбенко и статья являются сигналом к аресту махновских лидеров и самого комбрига. 29 апреля Махно приказал задержать часть комиссаров, решив, что большевики готовят нападение на махновцев: "Пусть и большевики у нас посидят, как сидят в казематах Чека наши", - говорил он Белашу, ссылаясь на решение Союза анархистов и анархистской организации "Набат" [7, Ф.5. Оп.1. Д.351, Л.12.]. В тех полках, где комиссары смогли наладить нормальные отношения с комсоставом и бойцами, это указание было проигнорировано. Другие комиссары побежали из района. В зоне расположения красных частей они столкнулись с командующим Украинским фронтом В. Антоновым-Овсеенко. Тут же к комфорту пришло приглашение Махно посетить Гуляй-Поле. Командующий направился в самое "логово мятежников".

Интересно, что одновременно с визитом Антонова-Овсеенко в махновский штаб красные пытались выяснить точное расположение махновских частей – вероятно, для удара по ним. Но нападение было невозможно, пока в гостях у Махно был Антонов-Овсеенко. Вот запись телефонных переговоров махновского и красного штабов:

"Бишиле: Прошу сообщить, у вас ли сейчас комфронт Антонов и не известно ли, когда он выедет?

Богословский: Вы мне уже надоели (Очевидно, это далеко не первый звонок из штаба красных за время пребывания Антонова-Овсеенко в штабе Махно. - А.Ш.), против моего окна сидит, с батькой Махно беседует.

Бишиле: А не известно ли, когда он выедет?

Богословский: Тогда сам сообщу".

Затем дежурный секретарь Бишиле связался с начальником штаба 3-й бригады Веретельниковым.

"Веретельников: У аппарата начштаба Веретельников, что нужно?

Бишиле: У аппарата дежурный секретарь Бишиле. Прошу дать сейчас же самые точные сведения о расположении частей вашей бригады.

Веретельников: Я не могу сказать, не нахожу возможным передать это без "маяка".

Бишиле: Мне приказано получить сведения во что бы то ни стало и уклончивые ответы в расчет не принимать. Так как в противном случае вы будете подлежать суду военного трибунала как не ...

Веретельников: Не нахожу нужным отвечать такому дураку, как вы, который требует сведений без шифра.

Бишиле: Прежде всего долг вежливости требует выслушать человека до конца, а потом уже выводить свои глубокие умозаключения. К вам уже ...

Веретельников: Ваш долг вежливости не велит вам пугать меня, я уже пуган".

Угроза трибуналом не помогла заставить анархиста нарушить порядок передачи секретной информации. Любопытно, что ровно 18 лет спустя аналогичная приверженность анархистов дисциплине в передаче информации станет поводом для столкновений с коммунистами в Барселоне, которые изменят ход Испанской революции. История Махновского движения повторится в Испании во многих своих чертах. Но пока судьба революции решалась в восточной Украине...

Бишиле не сдавался, информация нужна "во что бы то ни стало" и немедленно. Поэтому он идет на откровенную ложь:

"Бишиле: К вам уже десятки раз обращались с подобными просьбами и всегда получали ответы подобно вашему: мы, мол, сейчас без шифра дать не можем, зашифруем и пришлем, но несмотря на это, мы ни разу сведений не получали".

Это не соответствует действительности. С 11 по 28 апреля, в период боев за Волноваху и Мариуполь, штаб 2-й армии получил 18 сообщений о расположении 3-й бригады. На момент затишья после успешных для бригады действий согласно переданному в штаб донесению она занимала позицию Доля-Еленовка-Александровское-Ново-Николаевское-Игнатьевка-Павлополь-Мариуполь [1, Ф.199, Оп.3, Д.324, Л.5-73.]. Бишиле и стоящее за ним руководство интересуют передвижения бригады за последние два дня, хотя на фронте спокойно. Впрочем, секретарь и сам уже понял все неудобство своего положения и начал говорить нечто маловразумительное:

"Желая предупредить подобный случай, я хотел поставить вас в известность о последствиях, дабы получить наконец от вас сведения, не в зашифрованном виде я от вас потребовал, так как сам отлично понимаю, что сведения должны быть зашифрованы. В следующий раз не выводите такие быстрые заключения, так как сами окажетесь на этом положении ..."

Итог этих переговоров подвел Веретельников: "Сведения будут шифрованной телеграммой, а по аппарату мы не можем дать таких сведений" [1, Ф.199, Оп.3, Д.109, Л.106.].

Между тем более важные переговоры проходили 29 апреля между Махно и Антоновым-Овсеенко. Прибыв в Гуляй-Поле, командующий, к удивлению своему, был встречен почетным караулом и дружным "Ура!". После краткой инспекции, в ходе которой командующий фронтом обнаружил, что "Махно и его штаб живет крайне скромно; бандитизма незаметно" [7, Ф.5. Оп.1. Д.153, Л.137.], Антонов-Овсеенко провел с комбригом беседу. Она помогла урегулировать возникшие недоразумения. "Преследования политкомиссаров? Изгнание их?! Ничего подобного! Только нам надо бойцов, а не болтунов. Никто их не гнал, сами поутикали... Конечно, у нас много идеиных противников ваших, так давайте спорить", - говорил Махно командующему [2, с.112]. После этих переговоров Махно принял комиссаров назад, но командующий признавал, что "наши политработники в частях Махно слабы, трусивы и не могут противостоять... вредным элементам". В ходе разговора Антонов-Овсеенко пришел к выводу, что "сам Махно, главные его боевые работники и его полки проникнуты желанием сломить контрреволюционное казачество и офицерство".

Махно даже осудил наиболее резкие положения резолюций III съезда, обещал препятствовать выборности комсостава, которого (видимо, ввиду заразительности примера) так опасались в соседних частях РККА. Тем более, что командиры уже были выбраны, и менять их в это время никто не собирался. По утверждению Махно, и органы самоуправления (полковые комитеты) в повстанческой армии были "сведенены на роль хозяйственных комиссий" [7, ф.5, оп.1, д.153, л.137-138].

Но, пойдя на некоторые уступки, батька выдвинул новую, принципиально важную идею, которая могла бы примерить две стратегии революции: "До решительной победы над белыми должен быть установлен революционный фронт, и он (Махно – А.Ш.) стремится не допускать междуусобиц между различными элементами этого революционного фронта" [2, с.113]. Это уже не рассуждение об укреплении тактического союза (по типу "кто кого переиграет"), и не предложение простой коалиции. Открывалась возможность существования в рамках системы советской власти различных революционных политических течений. Они опирались бы не на добрую волю сильного партнера, а на собственные силы, в том числе и военные, строили бы новое общество в соответствии со своими принципами и волей местного населения, решали бы вопросы общего значения путем диалога, а не приказа.

Идея "единого революционного фронта против контрреволюции" была доложена Антоновым-Овсеенко Раковскому и Подвойскому [7, ф.5, оп.1, д.153, л.137]. Идея оказалась перспективной, она давала реальное решение одной из основных проблем революционного процесса – проблемы монополизма власти. Идея единого фронта революционных сил будет использоваться в политике Коминтерна и с новой силой возродится в форме Народного Фронта 30-х гг. и окажет большое воздействие на ход Испанской революции, где этот фронт также будет создаваться с участием анархистов.

Махно добивался также освобождения украинских анархистов из заключения Чека [7, ф.5, Оп.1, д.351, л.13], но решение этого вопроса было отложено. Были ликвидированы большевистские военные

комендатуры на территории района [7, ф.5, оп.1, д.262, л.10]. Антонов-Овсеенко добился также поставки необходимых махновцам медикаментов, денежных средств и даже некоторого количества оружия. Бригада была выведена из подчинения дивизии Дыбенко и подчинена формирующейся 7 дивизии, которая так и не стала реальным формированием. Фактически не только 7 дивизия, но и вся 2 армия состояли из бригады Махно и нескольких полков, значительно уступавших ей по численности.

4-5 мая махновский район посетил член Политбюро РКП(б) Лев Каменев. Несмотря на внешние признаки единства, он требовал ликвидировать политические органы движения и прежде всего ВРС. Стало ясно, что идея революционного фронта не пришла ко двору. После посещения Махно Каменев публично заявил, что "все слухи о сепаратистских и антисоветских планах бригады повстанцев тов. Махно ни на чем не основаны". Но в действительности Каменев был настроен иначе. В послании Ленину он сообщал: "полагаю, что Махно не решится сейчас же поддержать Григорьева, но почва для выступления там вполне подготовлена" [8, с.139,144].

Новый повод к нарастанию взаимного недоверия подал красный комдив атаман Н. Григорьев, поднявший 6 мая мятеж на правобережной Украине. Характерно, что накануне мятежа Григорьева уполномоченный ЦК КП(б)У Я. Гамарник докладывал, что обстановка у Григорьева гораздо благополучнее, чем у Махно [9, с.89-90].

Красным пришлось срочно перебрасывать силы на образовавшийся «григорьевский фронт». На их стороне действовали и анархисты – в частности бронепоезд матроса Железняка. А вот часть войск, направленных против Григорьева, стала митинговать – не следует ли присоединиться к атаману. 14-15 мая красные перешли в контрнаступление от Киева, Одессы и Полтавы, громя распыленные силы Григорьева. Во второй половине мая от григорьевцев были очищены все взятые ими города. Можно согласиться с биографом Н. Григорьева В. Савченко в том, что «Григорьев оказался бездарным фельдфебелем, не умевшим ни спланировать военную операцию, ни предвидеть последствия своих действий и к тому же постоянно находившимся в состоянии антисемитского ража» [10, с.119]. Главная угроза григорьевского восстания заключалась в том, что к нему присоединились состоявшие из украинцев красные части. Больше всего большевики в этот момент боялись, что «детонирует» Махно.

Телеграмма Каменева к Махно по поводу выступления Григорьева выдает явное недоверие к «батько».

"Изменник Григорьев предал фронт. Не исполнив боевого приказа, он повернул оружие. Подошел решительный момент - или вы пойдете с рабочими и крестьянами всей России, или откроете фронт врагам. Колебаниям нет места. Немедленно сообщите расположение ваших войск и выпустите воззвание против Григорьева, сообщив мне копию в Харьков. Неполучение ответа буду считать объявлением войны. Верю в честь революционеров - Вашу, Аршинова, Веретельникова и др. Каменев N 277" [6, с.107].

Попытка Каменева, воспользовавшись экстремальной ситуацией, заставить Махно беспрекословно довериться центральным властям, успехом не увенчалась - батька ответил довольно двусмысленно: "Честь и достоинство революционера заставляют нас оставаться верными революции и народу, и распри Григорьева с большевиками из-за власти не могут заставить нас оставить фронт" [6, с.109]. 9 мая Григорьев связался по прямому проводу с Махно [3, с.145]. Вероятно, он пытался убедить «батьку» тоже поднять восстание. Но безуспешно.

12 мая собрался "военный съезд", то есть совещание командного состава, представителей частей и политического руководства Махновского движения, дабы решить вопрос об отношении к Григорьевскому выступлению.

По воспоминаниям В. Белаша Махно говорил: "Большевистское правительство Украины опекает трудящихся. Оно наложило свою руку на все богатство страны и распоряжается им, как собственностью государства. Партийная бюрократия, этот вновь вернувшийся на нашу шею дворянский привилегированный класс - тиранит народ. Они издеваются над крестьянами, узурпируют права рабочих, свободно не дают дышать повстанчеству. Изdevательство над нами и григорьевцами большевистского командования, тирания Чека против анархических и эсеровских организаций - все говорит за возврат к прошлой деспотии" [7, ф.5, оп.1, д.274, л.21.].

Несмотря на то, что Махно в своей речи провел аналогию между григорьевским и своим движением, оснований для разрыва с красными у него было недостаточно, а визиты Антонова-Овсеенко и Каменева давали некоторые надежды на сохранение союза. Совещание решило "оружием протестовать против Григорьева немедленно" и "сохранить дружественные связи с большевиками". Это же совещание "под шумок" приняло решение развернуть бригаду в дивизию и начать (в соответствии с договоренностью Махно и Антонова-Овсеенко) переговоры с советским правительством о представлении автономии Мариупольскому, Бердянскому, Мелитопольскому, Александровскому, Павлоградскому и Бахмутскому уездам - то есть махновскому району и его ближайшей периферии [7, ф.5, оп.1, д.351. л.31].

Одновременно с этим Махно послал в район мятежа своих эмиссаров для прояснения положения. Это было воспринято как попытка наладить союз с Григорьевым, "лазутчики" были задержаны большевиками, что оттянуло окончательное определение махновцами своего отношения к Григорьеву до конца мая. Эмиссары Махно были вскоре отпущены и сумели ознакомиться с результатами григорьевских налетов - трупами жертв еврейских погромов. Одновременно к Махно попало воззвание Григорьева, которое было расценено им как шовинистическое.

В своем возвзвании "Кто такой Григорьев" Махно пишет об "Универсале" восставшего комдива: "Братья! Разве вы не слышите в этих словах мрачного призыва к еврейскому погрому! Разве вы не чувствуете стремление атамана Григорьева порвать живую братскую связь революции Украины с революцией России? ... Мы уверены, что здоровое чутье революционера подскажет им (пошедшими за Григорьевым бойцам. – А.Ш.), что Григорьев обманул их, и они уйдут от него вновь под знамена революции" [6, с.113].

Однако Махно не был бы собой, если бы снова не встал в "третью" позицию: "Мы должны сказать, что причины, создавшие все движение Григорьева, заключаются не только в самом Григорьеве... Всякое сопротивление, протест и даже самостоятельное начинание душились чрезвычайными комиссиями... Это создало в массах озлобление, протест и враждебное настроение к существующему порядку. Этим воспользовался Григорьев в своей авантюре.., требуем к ответу коммунистическую партию за Григорьевское движение" [6, с.114].

Бригада, дивизия или армия?

Выступление Махно против Григорьева уже не могло изменить позицию большевистского руководства в отношении повстанцев. Поводом к новому резкому обострению отношений стало развертывание 3-й бригады в дивизию. Парадоксальная ситуация, когда бригада составляла большую часть армии, мешала и соответствующему снабжению, и взаимодействию командования с огромной "бригадой", и управлению ее частями. Предварительная договоренность о преобразовании бригады в дивизию была достигнута еще с Антоновым-Овсеенко, затем его санкционировал заместитель наркомвоена Украины В. Межлаук [2, с.306]. Скачко санкционировал переформирование. Но, «посовещавшись» наверху, Межлаук отменил свое решение, и стал требовать «не переформировывать, а сокращать» махновцев [3, с.145]. Напрасно Скачко и РВС 2 армии убеждал Межлаука и командование Южного фронта, что отмена решения о переформировании вызовет разрастание конфликта, которое может самым неприятным образом оказаться на боеспособности фронта [2, с.305-306].

Вскоре после решения совещания 12 мая об изменении статуса бригады, 16 мая РВС объявил, в соответствии с предыдущими договоренностями, о ее преобразовании в 1-ю Повстанческую дивизию. Это решение было еще относительно скромным. Мотивируя его, заместитель начальника штаба махновцев В. Белаш говорил: "наши силы достигают 50000 бойцов, и участок, нами занимаемый, длиннее участка 13 кр. армии или 8-й... По штату Красной армии мы имеем право на Армию..." [7, ф.5, оп.1, д.351, л.31]. 23 тысячи бойцов были вооружены, остальные находились в резерве. Полки «бригады» сами имели структуру и численность бригад. Так, бригада Куриленко в составе «бригады» Махно имела 7300 штыков, 300 сабель и пулеметную команду в 250 бойцов [11, с.46].

В это время махновцы наступали, заняв Кутейниково в тылу белых. Однако над новой дивизией, которая фактически составляла собой всю 2-ю армию, сгущались тучи. За пределами "Махновии" о ней стали распространяться самые ужасные слухи, которые пришлось опровергать комиссару Петрову в послании наркомвоену Украины: "У вас носятся нелепые слухи. Якобы т. Колосов и все политкомы, находящиеся в войсовых частях т. Махно, расстреляны. Считаю нравственным долгом заявить через посредство вас в печати, что это явная провокация, исходящая, как видно, от контрреволюционеров, пользующихся случаем Григорьевской авантюры столкнуть советские круги с т. Махно и войсковыми частями" [1, ф.99, оп.2, д.129, л.105.]. Петров пытался убедить руководство, что новая дивизия и дальше будет служить советской власти: "Настроение очень хорошее, массовые наплывы добровольцев в ряды крестьянской армии... Есть дефекты, но они постепенно сглаживаются и должны постепенно отойти в область предания для будущей истории" [1, ф.199, оп.2, д.175, л.9,133]. Но отношение к махновцам определялось уже не представлениями об их боеспособности. Махно все более расценивался как потенциальный противник, а противник тем лучше, чем слабее.

21 мая РВС Южного фронта предложил Троцкому план ликвидации «махновщины» с помощью частей 2 дивизии. Одна бригада этой дивизии должна была заменить махновцев (ведь формально они были всего лишь бригадой), его части должны были оттягиваться в тыл и там переформировываться. Что в это время должны были делать белые, красные стратеги как-то не продумали. И еще одна неувязочка – переброска частей 2 дивизии в Гришино еще не началась [3, с.148]. А в остальном все хорошо...

Не обращая внимание на пробелы этого плана, 22 мая прибывший на Украину Троцкий по согласованию с РВС Южного фронта телеграфировал: "произвести радикальный перелом в строении и поведении войск Махно, истребовав для этого из Козлова (дислокация штаба Южного фронта – А.Ш.) необходимое число политработников и командирского состава. Если в двухнедельный срок окажется невозможным произвести этот перелом, то РВС 2-й Армии должен войти с рапортом об открытом сопротивлении Махно. Развертывать непокорную, недисциплинированную бригаду в дивизию под тем же командованием есть либо предательство, либо сумасшествие. Во всяком случае, подготовка новой Григорьевщины" [2, с.305]. Для проведения «перелома» Троцкий планировал ввести два надежных пока уже в само Гуляй-поле. Вот только где взять эти полки и как доставить их в столицу Махно – об этом Троцкий не подумал. Он был уверен, что «разгром Григорьева создает сейчас благоприятный момент для ликвидации махновщины. Нужно ковать железо, пока горячо» [3, с.149]. А тем временем к Махно стали стягиваться красноармейцы, недовольные коммунистическим режимом – в середине мая в Гуляй-поле ушел целый эшелон [3, с.151].

25 мая на заседании Совета рабоче-крестьянской обороны Украины под председательством Х. Раковского обсуждался вопрос "Махновщина и ее ликвидация". Было решено "ликвидировать Махно" силами полка [9, с.100].

Причиной активизации действий против Махно несомненно был страх повторения григорьевщины. Большевикам казалось, что неизбежный мятеж Махно развалит фронт также, как Григорьев по существу взорвал выстраивавшийся фронт против Румынии. Большевистские умы не учитывали то, что фронт и так разваливается под ударами белых, и действия против Махно могут попросту открыть дорогу Деникину на Украину.

25 мая Межлаук докладывал наркому Н. Подвойскому: "Неприятие своевременных мер обещает повторение Григорьевской авантюры, которая будет опасна ввиду огромной популярности Махно среди крестьянства и красноармейцев" [7, ф.5, оп.1, д.262, л.154]. Теперь популярность союзных движений среди местного населения становилась источником смертельной угрозы для большевистского режима. В ходе наращивания антикрестьянской политики (особенно - после введения продразверстки на Украине в апреле) коммунисты стали воспринимать союзника как большую опасность, чем военный противник.

26 мая в адрес РВС 2-й армии пришла сердитая телеграмма командующего Южным фронтом Гиттиса, педантичного офицера с дореволюционным стажем: "Утверждение сверху самочинно создавшейся дивизии реввоенсовет признает шагом назад в намеченной линии поведения и потому считает невозможным" [1, ф.199, оп.3, д.95, л.278].

Узнав о намерениях командования, Махно заявил 28 мая о сложении с себя полномочий комбрига и комдива. Но Махно уходил не просто так: «Даю свободное право каждой бригаде, входящей в повстанческую дивизию, входить в состав Южфрона и Чикваная, либо разбраться на самостоятельные отряды и работать в интересах народа – это их воля» [2, с.306]. В ответ на это заявление 29 мая РВС Южного фронта принял решение об аресте Махно.

Но штаб махновской дивизии постановил:

"1) настоятельно предложить т. Махно остаться при своих обязанностях и полномочиях, которые т. Махно пытался было сложить с себя; 2) все одиннадцать вооруженных полков пехоты, два полка конницы, две ударные группы, арт. бригада и другие технические вспомогательные части преобразовать в самостоятельную повстанческую армию, поручив руководство этой армии т. Махно. Армия является в оперативном отношении подчиненной Южному Фронту, поскольку оперативные приказы последнего будут исходить из живых потребностей революционного фронта" [2, с.307].

Удар белых

Решение об аресте Махно было принято, когда сам Южный фронт начал разваливаться. Чтобы понять ситуацию в войсках, противостоящих Деникину, обратимся к состоянию соседней с махновцами 13-й армии. Вот что докладывал командир одного из ее полков: "Довожу до сведения, красноармейцы категорически заявляют, что мы дальше действовать не можем, потому что мы во-первых голодные, во-вторых босые, раздетые, нас насекомые заели, потому что мы с первого восстания нашей организации до сих пор не получили ничего.

Просим вас принять самые энергичные меры, если не будет смены, то мы самовольно бросаем указанные нам позиции и следуем в тыл" [12, с.153]. Угрозами дело не заканчивалось: "Дезорганизованные части дезертировали с фронта, шайками бродили в прифронтовой полосе, грабя и убивая друг друга, устраивали охоты и облавы на комсостав и комиссаров" [12, с.238].

24 мая белые совершили прорыв в центре Южного фронта на участке 9-й армии и ринулись навстречу казаческому восстанию с центром в станице Вешенской. Тыл красных, разъедаемый восстаниями, дезертирством, холодной враждебностью уставших от продразверстки крестьян, не выдержал. Голодные, босые, плохо вооруженные армии начали бросать позиции.

Один из первых ударов был нанесен по стыку махновцев и 13-й Красной Армии. 19 мая, в разгар конфликтов между союзниками, кавалерия Шкуро прорвала фронт. Соседняя 9-я дивизия РККА оказать сопротивления не смогла. Махновцы противостояли конной массе белых атаку со штыками наперевес - патронов не было. Легко отбив наскок этих "копьеносцев", Шкуро не решился все же углубляться в махновский район и развернулся во фланг и тыл 13-й армии, которая стала разваливаться. 21 мая Махно еще был в Волновахе [1, ф.199, оп.3, д.19, л.150]. В это время под его командой сражались 1 ударный полк, 3 резервный полк, 5, 7, 8, 9 полки, два мариупольских полка, 1 донской кавалерийский полк, три отдельных батальона, автоотряд, артиллерийский дивизион, отдельный эскадрон [1, ф.199, оп.3, д.19, л.171]. Еще два полка Махно отдал в Крым Дыбенко.

Заявление Махно о своей отставке породило панику на фронте [3, с.160]. Солдаты понимали то, что не мог понять Троцкий, Гиттис и Межлаук – без Махно нельзя было остановить наступление Деникина. Махно тем временем откладывал свой уход – обстановка была критической. Он попросил командование выслать ему преемника для сдачи дел.

31 мая ВРС махновцев объявил о созыве IV съезда советов района. Предлагалось выбрать на собраниях трудящихся по одному делегату от 3 тысяч населения, причем с равной долей представительства от рабочих и крестьян. Военные части и партии могли послать по одному представителю от подразделения (полк, дивизион, штаб, уездный комитет). ВРС постановлял: "посыпаемых делегатов на съезд снабжать наказами для более точного выражения подлинной воли крестьян и рабочих..." [7, ф.5, оп.1, д.351, л.68].

Центр расценил решение о созыве нового "несанкционированного" съезда как очередную контрреволюционную вылазку (возможно, паническая реакция на созыв съезда была связана с опасениями того, что Махно провозгласит на нем независимую республику) [13, p.38]. 3 июня командующий Южным фронтом В. Гиттис отдал приказ о начале ликвидации "махновщины" [9, с.106]. 4 июня Реввоенсовет Украины постановил: "Означенный съезд целиком направлен против Советской власти на Украине и против организации Южного фронта, в состав которого входит бригада Махно. Результатом съезда может быть только безобразный мятеж в духе григорьевского и открытие фронта белогвардейцам, перед которыми бригада Махно неизменно отступает в силу неспособности, преступности и предательства своих командиров" [3, с.164]. Созыв съезда, конечно, не мог быть причиной выступления большевиков против Махно - ведь это был отнюдь не первый такой съезд. Просто красное командование считало, что настал подходящий момент для разгрома "махновщины".

Командование недооценивало серьезности положения. Казалось, что наступление белых - эпизод, с которым легко удастся справиться.

Удар красных

2 июня предреввоенсовета Л. Троцкий дает такой "анализ" маиновщины: «Махно и его ближайшие единомышленники почитают себя анархистами и на этом основании «отрицают» государственную власть. Стало быть, они являются врагами Советской власти? Очевидно, ибо Советская власть есть государственная власть рабочих и трудовых крестьян». И куда подевалась марксистская теория о том, что диктатура пролетариата уже не будет государством в собственном смысле слова – неужели все дело в «беднейших крестьянах? Но Троцкому не до теоретических нюансов, он уже отрабатывает те самые методы большевистской пропаганды, которые позднее против него будет использовать «сталинская школа фальсификаций». Троцкий пишет о маиновцах: «Никакого намека на порядок и дисциплину в этой армии не найти. Никакой организации снабжения... Никаких приказов она не выполняет. Отдельные отряды наступают, когда могут, т.е. когда нет серьезного сопротивления, а при первом крепком толчке неприятеля бросаются в рассыпную, сдавая малочисленному врагу станции, города и военное имущество. Вина за это целиком падает на бесполковых и беспутных анархических командиров». Разумеется, Троцкий не собирался брать на себя ответственность за начавшееся крушение фронта РККА. Его волнует не Деникин, а опасность «новой григорьевщины». "Поскобли маиновца - найдешь григорьевца. А чаще всего скоблить-то не нужно: оголтелый, лающий на коммунистов кулак и мелкий спекулянт откровенно торчит наружу". Из этого "классового анализа" следует вывод: "с этим анархо-кулацким развратом пора кончить, кончить твердо, раз навсегда, так, чтобы никому больше повадно не было!" [14, с.189-191].

Сказано - сделано. 3 июня Троцкий издает приказ о ликвидации маиновщины:

"1. Первой задачей 2-й Украинской армии является разрушение военной организации маиновцев, причем эта задача должна быть разрешена не позже 15 июня.

2. С этой целью при содействии Реввоенсовета 2-й Украинской армии открывается немедленно широкая агитация против маиновщины с целью подготовить общественное мнение армии и рабочих масс к полной ликвидации "армии "Махно" [1, ф.199, оп.3, д.107, л.1]. Решение Предреввоенсовета удивительно – в момент начавшегося генерального наступления открытого врага он ставит задачу разрушения военной структуры союзника. Но в том-то и дело, что маиновцы казались опасней деникинцев.

Выполнение этой задачи возлагалось на нового командующего 2-й Украинской Армией (переименована в 14-ю армию) К. Ворошилова (А. Скачко, предлагавший нормализовать отношения с Махно, был смешен с поста). Вот мнение нового командарма: "Момент ликвидации этого гнойника самый удобный. Наша беда - отсутствие регулярных частей, которыми нужно занять маиновский фронт и ликвидировать остатки банд. Полное отсутствие снаряжения, вооружения и даже продовольствия в 14-й армии лишает возможности сколачивать на месте из рабочих надежные батальоны. Состояние фронта требует экстренных мер. Нужно хоть одну регулярную дивизию для очищения всего Донбасса" [1, ф.199, оп.1, д.26, л.2]. Одну дивизию для очищения Донбасса. В этот момент десятки отборных белых дивизий выбивали целые армии из последних донецких городов. Особо благоприятствовал выполнению плана Троцкого и Ворошилова новый наплыв белых на маиновские позиции. Разгромив 13-ю, 8-ю, 9-ю, 20-ю и 18-ю армии, белые обратились к "Повстанческой армии им. тов. Махно". "Махно еще держался, когда бежала соседняя 9-я дивизия, а затем и вся 13-я армия" [2, с.331].

Любопытно, что по утверждению жены Махно Галины Кузьменко, 4 июня Ворошилов встретился с Махно и произвел акт награждения его орденом Красного знамени [11, с.64-65]. Это плохо вяжется с ситуацией, но Махно и Ворошилов действительно встречались в начале июня. Махно мог быть представлен к недавно изобретенному ордену раньше, а Ворошилов, уже думавший о разгроме маиновщины, произвел награждение в порядке рутины, «задабривания» или усыпления бдительности.

Прекращение распре в этот трагический момент еще могло спасти положение хотя бы на этом участке фронта. 4 июня Махно отправил телеграмму «Всем, всем, всем»: "Необходимы сплоченность, единение. Только при общем усилии и сознании, при общем понимании нашей борьбы и наших общих интересов, за которые мы боремся, мы спасаем революцию... Бросьте, товарищи, всякие партийные разногласия, они вас погубят" [1, ф.199, оп.2, д.129, л.168]. При этом Махно возложил ответственность за поражение на российские части.

6 июня Махно направил телеграмму Ленину, Троцкому, Каменеву и Ворошилову, в которой говорилось: "Пока я чувствую себя революционером, считаю своим долгом, не считаясь ни с какой несправедливостью, обличающей меня в (нечестности?) к нашему общему делу Революции, предложить немедленно же прислать хорошего военного руководителя, который ознакомившись со мной на месте с делом, мог бы принять от меня командование дивизией. Считаю, что должен сделать это (как) революционер, ответственный за всякий несчастный шаг по отношении к Революции и народу, когда его обличают в созыве съездов и подготовке какого-то выступления против Советской Республики" [7, ф.5, оп.1, д.351, л.77].

7 июня Махно попросил прислать к нему «хорошего военного руководителя», которому можно было бы сдать дела. Троцкий воспринял это как « капитуляцию Махно», после которой нужно «действовать со всей энергией в борьбе с Махновщиной» [3, с.169].

8 июня собралось совещание штаба дивизии, ВРС и Союза анархистов. Было выдвинуто три варианта действий: уйти за Днепр на соединение с Григорьевым; сдать части красным и уйти в подполье на территорию, занятую Деникиным; продолжать сражаться с белыми, игнорируя действия большевиков: "путь Чека расстреливает, но мы из фронта никуда не уйдем" [7, ф.5, оп.1, д.351, л.77].

Махно остановился на втором варианте. В тот же день он отправил написанную Аршиновым телеграмму Ленину, Каменеву, Зиновьеву, Троцкому, Ворошилову (телеграмма дошла по адресам, 10 июня с ней ознакомился Ленин [15, с.278]). В ней Махно подвел итог своим взаимоотношениям с коммунистическим режимом. Он высказал свое мнение о причинах крушения союза махновцев и центральной советской власти:

"Я считаю неотъемлемым революцией завоеванным правом рабочих и крестьян самим устраивать съезды для обсуждения и решения как частных, так и необходимых дел своих. Поэтому запрещать такие съезды центральной властью, объявлять их незаконными (приказ N 1824) есть прямое, наглядное нарушение прав трудящихся.

Я отдаю себе полный отчет в отношении ко мне центральной государственной власти. Я абсолютно убежден в том, что Центральная государственная власть считает все повстанчество несовместимым с своей государственной деятельностью. Попутно с этим центральная власть считает повстанчество связанным со мною и всю вражду к повстанцам переносит на меня...

Отмеченное мною враждебное, а последнее время наступательное поведение центральной власти к повстанчеству ведет с роковой неизбежностью к созданию особого внутреннего фронта, по обе стороны которого будет трудовая масса, верящая в революцию. Я считаю это величайшим, никогда не прощаемым преступлением перед трудовым народом и считаю обязанным себя сделать все возможное для предотвращения этого преступления... Наиболее верным средством предотвращения надвигающегося со стороны власти преступления, считаю уход мой с занимаемого поста.

Думаю, что после этого центральная власть перестанет подозревать меня, а также все революционное повстанчество в противо-советском заговоре и серьезно по революционному отнесется к повстанчеству на Украине, как живому, активному детищу массовой социальной революции, а не как к враждебному стану..." Махно покидает командование частями, потому что "Центральная власть считает повстанчество связанным со мною, и существующая вражда и неприязнь центральной власти к повстанчеству переносится главным образом на меня". Но поскольку корни конфликта лежат гораздо глубже персонального противостояния, последствия большевистской политики в отношении восставшего крестьянства проявятся и после ухода Махно. На это обращает внимание и он сам: «Политика большевиков "с фатальной неизбежностью ведет к кровавым событиям в середине трудового народа, созданию среди трудящихся особенного внутреннего фронта, обе враждующие стороны которого будут состоять только из трудящихся и революционеров» [7, ф.5, оп.1, д.351, л.81].

Письмо Махно – признание крушения его политической стратегии этого периода и в то же время – свидетельство политической мудрости. Не в пример многим военным лидерам того времени из антибольшевистского стана, Махно понимал, что коммунистическая партия смогла мобилизовать на свою сторону радикальные массы России, и противостоять этой силе, пока сильно белое движение – значит помогать реакции. Махно и сам был частью этих радикальных масс, и он стремился вплоть до победы над белым движением идти вместе с большевиками, лишь сохранив автономию своего района, защищая его от неприемлемых для крестьян мер большевиков и проводя демократическую корректировку их курса. Но коммунистическая партия не собиралась принимать такие "правила игры", и даже перед лицом военной угрозы белых нанесла по союзнику разрушительных удар, который дорого стоил не только махновцам, но и самим большевикам.

Даже теперь Махно все еще не решался выступить против большевизма. В это время он рассчитывал поднять восстание в тылу у белых, "потому что коммунисты не сумеют" [7, ф.5, оп.1, д.274, л.38.].

Тем временем белые вторглись в район Гуляй-Поля. Почти безоружный заслон под командованием Веретельникова полег на подступах к "столице" движения. Бои в районе Гуляй-Поля продолжались с 9 по 15 июня.

Некоторое время с небольшим отрядом Махно еще сражался бок о бок с красными частями, но узнав 15 июня о приказе арестовать его, растворился в пространстве. "Надо выйти из перекрестного огня, отдохнуть, пополниться и отомстить за старую обиду" [7, ф.5, оп.1, д.351, л.84], – говорил он своим командирам.

Войска некоторое время находились под командой начальника штаба Озерова, но, узнав о кампании против махновского движения, и он обратился с прошением об отставке: "Я беспрерывно нахожусь в повстанческих войсках, здоровье мое совершенно расшаталось, передайте т. Ворошилову, чтобы он выслал мне заместителя и меня как инвалида, получившего 53 раны, уволил бы в отставку для лечения. Ибо при создавшемся положении, когда выбываешься из сил для того, чтобы сделать полезное дело, рискуя ежеминутно быть объявленным (вне закона), что слишком скверно отзывается на здоровье и без того расстроенным" [1, ф.199, оп.1, д.8, л.16].

Яков Васильевич Озеров действительно был человеком заслуженным. В 1907 г., будучи штабс-капитаном, он вступил в группу максималистов. Эмигрировал. Вернувшись в Россию в 1917 г., стал помощником военкома на Северном Кавказе, левым эсером. Отличился в боях с белыми, в этой обстановке большевики считали его за своего. Потому и послали к Махно. Но затем выяснилось, что Озеров по взглядам близок Махно, а не коммунистам. Собственно, перед большинством левых эсеров вставал выбор между двумя более последовательными позициями – коммунистической, эсеровской и анархистской.

Ворошилов уже тогда не любил упускать "врагов народа". Летом 1919 г. коммунисты открыли "сезон охоты" на повстанческих командиров. Вместо того, чтобы сражаться, защищая территорию Украины, командование уже смирилось с ее оставлением и теперь боялось (как и летом 1918 г.) "заразить вольницей" Россию. В этом сошлись оба враждующих клана красного командования – сторонники и Троцкого, и Сталина - Ворошилова. В результате в это время от пуля "своих" погибли такие легендарные командиры, как А. Богунский, Т. Черняк, В. Боженко, а возможно - А. Железняк и Н. Щорс. Был арестован Ф. Миронов, но в условиях катастрофически менявшейся ситуации его пока предпочли помиловать. Миронова, как и другого легендарного кавалерийского полководца Б. Думенко, расстреляют на другом этапе гражданской войны. В ночь на 16 июня семь членов махновского штаба (половина – левые эсеры), в том числе и Озеров, были расстреляны в ЧК. Этот расстрел окончательно сделал Махно врагом партии большевиков. Но арестовать его было уже нельзя.

Источники и литература

1. Российский государственный военный архив.
2. Антонов-Овсеенко В.А. Записки о гражданской войне. – М.; Л., 1933. – Т. 4.
3. Нестор Махно и крестьянское движение на Украине. 1918–1921. Документы и материалы. – М., 2006.
4. "Известия", Харьков.
5. Яковлев Я. Русский анархизм в Великой русской революции. – М., 1921.
6. Аршинов П. История махновского движения. – Берлин, 1923.
7. Центральный государственный архив общественных организаций Украины.
8. Экспедиция Л.Б. Каменева в 1919 г.: поездка на Украину // Пролетарская революция. – 1925. – № 6.
9. Волковинский В.Н. Махно и его крах. – М., 1991.
10. Савченко В. Авантюристы гражданской войны. – М., 2000.
11. Яруцкий Л. Махно и махновцы. – Мариуполь, 1995.
12. Какурин Н.Е. Как сражалась революция. – М., 1991. – Т.2.
13. Mallet M. Nestor Makhno in Russian Civil War. – Oxford, 1982.
14. Троцкий Л.Д. Как вооружалась революция. – М., 1924. – Т.2. – Кн. 1.
15. Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника. – Т. 7.

Summary

The article analyze circumstances of he collapse of the union of the Makhno movement and Bolsheviks. It deconstruct myths of "riot" of Makhno and his military weakness as a reason of the split. Article characterize role of Lenin, Trotsky, Dybenko and other leaders in event, political position of the Makhno's movement as a main reason of the split, stages of the conflict and its catastrophic results for the Reds.

B. M. Чоп

УЧАСТЬ ПРИАЗОВСЬКИХ ГРЕКІВ-КОЛОНИСТІВ У МАХНОВСЬКОМУ РУСІ (1918–1921 рр.)

Тема, що досліджується нами в даній статті, знаходиться на перетині двох окремих проблем. З одного боку, це маловживчена сторінка в історії повстанського руху, з іншого – практично невідоме й недосліджене явище в історії грецької громади Україні. Незважаючи на те що протягом останнього десятиліття вітчизняні історики доклали багатьох зусиль щодо дослідження обох цих явищ, у їх історіях продовжуються залишатися прикрі лакуни, які вимагають повноцінного заповнення. Зазначимо також, що дана розвідка продовжує цикл статей автора, присвячених стосункам махновських повстанців з етнічними меншостями Півдня України, та ставленню останніх до боротьби за побудову анархістського, "безвладного" суспільства.